

УДК 947.083

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.02

Баринава Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет

Самара, Россия

e-mail: rfiz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДВОРЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В 1897–1916 гг.**

Аннотация. В статье рассмотрена специфика и основные направления оказания социальной помощи внутри дворянских корпораций в губерниях Европейской России в конце XIX – начале XX в. Анализ сложившейся к настоящему времени историографии российского дворянства позволил выявить достижения и пробелы в изучении вопроса организации опеки и оказания материальной поддержки малоимущим дворянам, учреждении пансионов и школ для их детей и сирот. Статья написана на основе комплекса опубликованных документов, делопроизводственной документации, хранящейся в центральных и региональных архивохранилищах, а также материалов съездов объединенного дворянства.

Применение традиционных исторических методов исследования и историко-антропологического подхода позволил охарактеризовать деятельность корпоративной организации в рамках оказания социальной и экономической помощи членам корпорации. Сравнительный анализ решений корпоративных организаций Центрально-Черноземных и Поволжских губерний дает возможность выявить общие черты и различные подходы к социальным практикам дворянских объединений.

Охарактеризованы формы оказания материальной поддержки членам корпораций и содействия дворянским семьям в воспитании и образовании детей и сирот. Дана оценка дворянским кассам взаимопомощи, сословным пансионатам-приютам, деятельности дворянской опеки.

На основе концепции повседневности показано отношение регионального дворянства к системе организации социальной помощи. Отмечается, что поместное дворянство неоднозначно оценивало традиционные формы внутрисословной благотворительности. Доказано, что корпоративные организации рассчитывали на государственную помощь в реализации социальной политики. Отсутствие единства во взглядах представителей сословия и коронной администрации на комплекс мер, необходимых для сохранения дворянской корпорации и воспроизводства сословной идентичности, затрудняло трансформацию системы социального призрения.

Ключевые слова: дворянство, сословные капиталы, дворянская опека, кассы взаимопомощи, пансионы-приюты, образование, воспитание, социальная помощь, благотворительность.

Barinova Ekaterina P.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Samara National Research University

Samara, Russia

e-mail: rfiz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

**SOCIAL PRACTICES OF NOBLE ORGANIZATIONS
IN 1897–1916**

Abstract. The article considers the specifics and main directions of providing social assistance within noble corporations in the provinces of European Russia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. An analysis of the historiography of the Russian nobility that has developed to date has revealed achievements and gaps in the study of the organization of guardianship and material support for poor nobles, the organization of boarding houses and schools for their children and orphans. The article is written on the basis of a set of published documents, office documentation stored in central and regional archives, as well as materials from congresses of the united nobility.

The application of traditional historical research methods and a historical and anthropological approach made it possible to describe the activities of a corporate organization in the framework of providing social and economic assistance to members of the corporation. A comparative analysis of the decisions of corporate organizations of the Central Chernozem and Volga provinces makes it possible to identify common features and different approaches in the organization of social practices of noble organizations.

The forms of providing material support to members of corporations and assisting noble families in raising and educating children and orphans are described. An assessment was given of the organization of noble mutual assistance funds, estate boarding houses, and the activities of noble guardians.

On the basis of the concept of everyday life, the attitude of the regional nobility to the system of organizing social assistance is shown. It is noted that the local nobility ambiguously appreciated traditional forms of intra-class charity. It is proved that corporate organizations counted on state assistance in the implementation of social policy. The lack of unity in the views of representatives of the estate and the crown administration on the set of measures necessary to preserve the noble corporation and reproduce the estate identity made it difficult to transform the system of social charity.

Keywords: nobility, estate capital, noble custody, mutual assistance cash desks, boarding houses, education, upbringing, social assistance, charity.

Введение. Анализ деятельности благотворительных организаций и системы социального призрения показывает, что чаще всего они носят монословный характер. В статьях, посвященных особенностям организации дворянской опеки в различных губерниях Европейской России, акцентируется внимание на описании проблем, с которыми сталкивался данный социальный институт на протяжении всего времени своего существования. В работах Е. С. Корчминой [14], Т. Н. Литвиновой [16] и С. В. Першина [21; 22] анализируется трансформация института дворянской

опеки в конце XVIII – первой половине XIX в., отмечаются злоупотребления и незаинтересованность опекунов в их деятельности, акцентируется внимание на несоответствии реальной практики законодательным нормам. Правовые основы функционирования данного института, процедура установления и снятия опеки над несовершеннолетними дворянскими детьми рассмотрены Е. П. Вьюнник [2].

Особенности функционирования дворянской опеки как системы организации социальной помощи во второй половине XIX – начале XX в. в различных губерниях Европейской России прослежены в статьях Н. К. Ледневой, Е. А. Соловьевой, В. С. Цветкова и ряда других исследователей. В них приводится общая характеристика деятельности губернской опеки, выявлены основные проблемы, с которыми сталкивался в процессе своей деятельности этот корпоративный институт [15; 17; 27; 29]. В ряде статей дана оценка эффективности деятельности опеки, поставлен вопрос о характере взаимоотношений уездного предводителя дворянства и заседателей опеки с опекунами и дворянами, находящимися под призрением [25; 27]. Оценка деятельности дворянской уездной опеки в масштабах Среднего Поволжья, количественные данные о видах устанавливаемого опекунства представлены Р. В. Федосеевым. Он отмечает, что в большинстве случаев (60–80 %) опека в 1860–1880 гг. устанавливалась над дворянскими детьми («по малолетству наследников»), по остальным же основаниям установление опеки было крайне редким явлением [28, с. 123]. Подчеркнем, что исследователи единодушны в оценке характера деятельности данного социального института. Однако он нуждается в дальнейшем изучении как в плане сопоставления общего и особенного в деятельности учреждений дворянской опеки в различных регионах, так и в контексте эволюции системы социального призрения, соотношения практической работы опекунских учреждений и принципов социальной политики, проводимой государственными структурами.

Гораздо меньше внимания уделено в исторических исследованиях роли дворянских обществ в развитии такого направления внутрисословной благотворительности, как помощь в получении образования и воспитания дворянской молодежи. Между тем мировоззрение и образ идеального будущего России, а также роли дворянства в социально-политической структуре общества, несомненно, «определялось семейными традициями, бытом и укладом семейной жизни, существовавшим окружением, в которых проходили детство и юность» [23, с. 321].

Недостаточно исследована и такая организация, как кассы дворянской взаимопомощи [18], деятельность которых была направлена на оказание помощи обедневшим дворянам. Вопросы, связанные с предоставлением корпоративной и благотворительной помощи, неоднократно дебатировались на уездных и губернских дворянских собраниях, а впоследствии на заседаниях съездов уполномоченных губернских дворянских организаций.

Делопроизводственная документация, прошения, письма дворян, отчеты опекунов, переписка уездных и губернских предводителей дворянства позволяют охарактеризовать деятельность корпоративных организаций в рамках оказания социальной помощи и социального призрения членам корпорации. Они отложились в региональных архивах, в фондах губернских и уездных дворянских опек, а также в фондах губернских и уездных предводителей дворянства. В статье использованы материалы из фондов государственных архивов Воронежской, Курской, Тамбовской, Самарской и Саратовской губерний, а также документы Особого совещания для всестороннего выяснения современных нужд дворянского сословия и соображения мер, которые могли бы обеспечить поместному дворянству способы нести и впредь его исконно-верную службу Престолу и Отечеству (РГИА) [24], документы и материалы съездов уполномоченных губернских дворянских обществ (объединенного дворянства) [19; 20]. Хронологические рамки статьи охватывают период 1897–1916 гг. Нижняя граница обусловлена началом деятельности Особого совещания о нуждах дворянского сословия, верхняя — работой XII съезда объединенного дворянства. Этот период характеризуется наибольшей социальной активностью сословия, обсуждением на корпоративных собраниях и съездах острейших проблем политической и экономической жизни.

Основная часть. Верхние страты дворянства были заинтересованы в количественном показателе общего числа дворянского сословия, поэтому их действия были направлены на то, чтобы не допустить полную деградацию мелкопоместного дворянства. В этой связи особое внимание уделялось вопросу доступности образования для детей мелкопоместных и среднепоместных дворян, так как воспитание детей в сословном духе способствовало воспроизводству корпоративных связей и сохранению дворянской идентичности.

Вопрос о воспитании дворянской молодежи был признан участниками Особого совещания о делах дворянского сословия «самым первым вопросом по своей важности», имеющим «решающее значение в судьбах дворянства» [24, л. 12, 113]. В практическом плане обсуждалась необходимость увеличения на местах числа мужских и женских учебных заведений и облегчения доступа в них детям дворян. Предлагалось приступить к организации любых учебно-воспитательных общих и специальных учреждений, пансионатов и интернатов при существующих учебных заведениях, в которых образование и воспитание дворянских детей должно было осуществляться в сословном духе. Эти же мотивы звучали в отзывах корпоративных собраний, которые в большинстве своем выступали за сословный характер пансионатов-приютов. Мотивация таких предложений членов дворянских корпораций носила явно охранительный характер, так как они были обеспокоены ростом либеральных и демократических настроений в обществе, особенно среди молодежи. Для изоляции дворянской молодежи от пагубного влияния крамольных идей предлагалось в качестве

необходимой меры увеличить количество средних сословных учебных заведений. Высказывались и достаточно здравые экономические и социокультурные предложения, обусловленные необходимостью экономической модернизации имений. В частности, были предложения об увеличении числа сельскохозяйственных учебных заведений (открытие их в каждой сельскохозяйственной губернии), введении учебного курса сельскохозяйственных знаний в средних школах, открытии специальных учебных заведений «с законченным курсом, откуда был бы доступ в высшие учебные заведения» [24, л. 252].

Большинство дворянских собраний единодушно требовали государственного финансирования пансионатов-приютов и удешевления образования, подчеркивая, что его получение сопряжено с большими трудностями главным образом для детей мелкопоместного дворянства и дворянских детей, находящихся под опекой.

По итогам работы Особого совещания и мнения Государственного Совета по этому вопросу был принят Закон 25 мая 1899 г. о предоставлении права дворянским обществам учреждать пансионаты-приюты на новых условиях. Однако полностью этот правовой акт ожиданий дворян не оправдал. Корпоративные организации могли рассчитывать не на полное государственное финансирование пансионатов-приютов, а лишь паритетное. В 1900–1904 гг. были открыты пансионаты-приюты для детей-сирот и детей бедных дворян практически в каждой губернии Европейской России либо начато строительство для них зданий. Сложнее обстояла ситуация с женским образованием. Например, орловское и курское дворянство принимали участие в финансировании института благородных девиц. В Воронежской губернии, несмотря на принятое решение об открытии Ольгинского пансионата-приюта для дворянских дочерей, бесконечная волокита и недостаток корпоративных средств препятствовали его открытию [4, л. 42–43].

Регулярно на дворянских собраниях обсуждались вопросы о предоставлении льгот пансионатам-приютам и бесплатных вакансий в кадетские корпуса, а также назначении дворянских стипендий. Отметим участие в благотворительности состоятельных людей из дворянского сословия: Э. Д. Нарышкин (Тамбов), Н. В. Левашов (Орел), Н. Д. Чертков (Воронеж) и многие другие жертвовали значительные денежные суммы на строительство учебных заведений [1, с. 70–71]. Часто в завещаниях оговаривались конкретные суммы в пользу дворянской организации и условия их использования на стипендии детям обедневших дворян. Саратовское дворянское депутатское собрание ежегодно рассматривало прошения дворян о зачислении их детей в колычевские воспитанники. Капитал, завещанный С. В. Колычевым корпорации, позволил получить образование очень многим дворянам в высших и средних учебных заведениях страны [7, л. 1–12; 8]. На VII и VIII съездах объединенного дворянства обсуждался вопрос о принятии от дворянки Е. Н. Карауловой пожертвования в виде дачи для устройства сиротского приюта в Петергофе [20, с. 211, 213–217, 220, 221]. В этой связи возникла дискуссия о возможности

принятия объединенной дворянской организацией частных пожертвований. В результате участники VII съезда приняли решение: «выразить Е. Н. Карауловой глубокую признательность Съезда как за добрый почин в общедворянском деле, так и за щедрый дар» и внести изменения в Устав организации, дополнив его статьями, позволяющими принимать пожертвования [20, с. 224–229, 332].

В рамках обсуждения реформы образования практически на всех дворянских съездах (III–IX) обсуждались проблемы развития начальной школы, средних учебных заведений и высшей школы. В 1910 г. Министерство народного просвещения внесло в Государственную думу законопроект о всеобщем обучении, в соответствии с которым председателем училищных советов должно было назначаться лицо, избранное земским собранием, а не уездный предводитель дворянства. Постоянный Совет объединенного дворянства выступил решительно против этого предложения. На VI (14–20 марта 1910 г.) и VII (9–15 февраля 1911 г.) съездах объединенного дворянства подробно обсуждались вопросы, связанные с законопроектами в области образования. Большинство ораторов говорили о важном значении «государственного национально-патриотического образования» и «сохранении роли предводителя дворянства в училищных советах» [19, с. 576–583, 631–635]. Предлагались конкретные меры для улучшения ситуации в образовании, такие как введение в средней школе военной гимнастики, военных упражнений, увеличении количества кадетских корпусов. Отмечалась необходимость введения в программу средних учебных заведений курсов прикладных знаний, прежде всего сельскохозяйственных, и специальных технических предметов. Планировалось развитие самостоятельности и самостоятельности учеников, привитие эстетического чувства [20, с. 14–79]. Дворянство выражало уверенность в том, что подобные меры будут не только способствовать воспроизводству корпоративных связей и сохранению значения сословия как опоры престола, но и позволят представителям корпорации, прежде всего обедневшим, получить качественное образование, освоить новые социальные практики.

Оказание социальной помощи и призрения осуществлялось важнейшим институтом корпоративной организации — дворянской опекой, основным назначением которой было попечительство «о материальных сиротах и вдовах дворянского состояния, об имении их и делах...» [26, с. 142]. В ее функции входило назначение опекунов и контроль за их действиями по ведению усадебных хозяйств. Под опеку дворянские имения попадали по разным причинам: малолетству владельцев, неуплате штрафов и гербовых сборов; в связи с душевными болезнями, расточительством и злоупотреблениями по отношению к крестьянам и родственникам.

До 1864 г. учреждения опеки существовали в каждом уезде губернии, но после судебной реформы Министерство юстиции получило право объединять и закрывать их. Примером тому служит отказ дворянству Самарской губернии открыть опеку в Новоузенском уезде в конце 1870-х гг.

О повседневной практике исполнения опекунской деятельности дают представление журналы заседаний дворянской опеки, переписка по назначению и снятию опеки с имущества, отчетность по управлению опекаемыми имениями. Дела опеки содержат ценную историческую информацию: описи имущества, сведения о затратах на содержание опекаемого (гувернер, поездки, покупки), прошения о смене попечителя, споры и претензии. Опись имущества включала в себя описание дома, комплекса построек, земельных владений; обязательно указывалась оценка доходности имения [12; 13].

Кредиторам взятого под опеку имущества дворянина никаких гарантий не давалось. Так, не состоялась сделка суджанского дворянина Н. А. Бетхера, который выдал мещанину С. А. Власову свидетельство на право продажи своего имения с переводом долга на покупателя. Эта сделка была опротестована опекой, так как Бетхер был признан психически больным [5, л. 1].

Как правило, разногласия между опекаемыми и опекуном были достаточно частым явлением, особенно в случаях наложения опеки за расточительность и по спорам наследников. Родственники жаловались на действия опекуна или опекунских органов, незаконное учреждение опеки. Дворянин А. Н. Пушкарев, считавший неправильными и бесконтрольными действия Карачевской дворянской опеки, подал в 1910 г. жалобу курскому губернатору. Он полагал, что сумм, получаемых опекунами, недостаточно для содержания семьи. Отвечая на эту жалобу, губернатор отмечал, что дворянская опека делает все возможное для сохранения имения и поддержания жизни семьи [6, л. 1–4].

Возникающие в семейной жизни разногласия родственники пытались решить путем назначения опеки над расточительным хозяином. Так, жена тамбовского дворянина П. Д. Мажарова просила учредить опекунское управление над имением своего мужа, объясняя свои действия тем, что муж не содержит ее и детей. Шацкий уездный предводитель дворянства, находившийся в дружеских отношениях с П. Д. Мажаровым, написал ему конфиденциальное письмо, в котором посоветовал «миролюбиво и по возможности дружелюбно» решить семейные проблемы, «не вынося сора из избы и не доводя дело до официального разбирательства» [10, л. 8–8 об.]. Возмущенный поведением супруги, в ответе предводителю дворянства П. Д. Мажаров с горечью констатировал: «жена моя, поселившись в столице с детьми, торпедировала все, что могло принести добрые плоды... обвинения, предъявляемые мне нравственно тяжелы... заявляю, что каждое ее слово есть безумная клевета». Тем не менее ссора между супругами возникла в связи с «нежными» отношениями П. Д. Мажарова с горничной. После шестилетнего разбирательства опека над ним все-таки была установлена. Но он успел до этого момента продать все свои земельные владения и скрыться в неизвестном направлении [10, л. 10–11 об., 34 об. – 52].

В другом случае различие жизненных ориентиров князя Ю. Н. Голицына и его супруги, неприятие ею его увлечений привело к взаимным претензиям и назначении опекунства над имением и детьми. Князь Голицын заслужил

в дворянском обществе репутацию сумасброда и повесы, который азартно играл в карты, залезал в долги и не имел привычки заниматься хозяйством, а его жена Екатерина Николаевна — беззащитной, несчастной женщины [11, л. 1–3]. Чтобы сдержать бездумные траты мужа, Екатерина Николаевна подала жалобу императору и над ним учредили опеку, определив на личные расходы очень ограниченную сумму. Однако это не помогло, в 1854 г. имение, где семья проживала с пятью детьми, было выставлено на продажу, и только вмешательство родственников позволило его сохранить. Сумасбродная жизнь, любовные интриги князя, а впоследствии его страстное увлечение музыкой и создание им хоровой капеллы окончательно рассорило супругов [3]. Кроме того, Е. Н. Голицына была назначена опекуном над имением, что не могло не возмущать князя Ю. Н. Голицына, вследствие чего он неоднократно жаловался губернскому предводителю дворянства и уездным властям на свою супругу, обвиняя ее в том, что «она неизвестно куда деньги деваает». В результате личного вмешательства губернского предводителя над имением был назначен еще один опекун [11, л. 39–54].

Обедневшие дворяне часто доводили свою семью фактически до разорения. Они не занимались хозяйством, не заботились о домочадцах и детях. Вели расточительный и «неприличный» образ жизни, пили, играли в карты, закладывали либо распродавали имение по частям. Дворянин Исаков своим безнравственным поведением довел жену до того, что «она, бросивши его и детей, скитается где-то в качестве нищей», отмечал предводитель дворянства. Однако, чтобы уйти от ответственности, он обратился в Елатомскую опеку с просьбой об установлении опеки над имением, свалив свои прегрешения на нее. Проведенное органами опеки дознание показало, что от 70 000 состояния осталось небольшое имение с годовым доходом до 1100 рублей, обремененное долгами частным лицам. В связи с тем что имение было выставлено на продажу, спасти его не удалось. Дворянское собрание, порицая поступок Исакова, «взвалившего все свои дурные качества на жену», отмечало, что его поведение неприлично и не соответствует высокому званию дворянина [9, л. 1–10].

Финансовые средства, доставшиеся опекаемым, учитывались дворянской опекой, ею же принимались решения о распоряжении этими средствами, например вложении их в ценные бумаги под проценты. При этом опекун был в основном исполнителем и должен был регулярно отправлять отчет в опеку о доходах и расходах. Надзор за деятельностью опекунов осуществляли не только представители корпорации, для которых это было важной задачей, но и имперская администрация и окружной суд. Спорные дела по опекунству над имением были под особым контролем губернского предводителя дворянства.

В конце XIX – начале XX вв. правительство неоднократно рассматривало проекты реорганизации опекунских учреждений на всесословных началах. Однако ни один из них на практике не был реализован. Большую роль в этом сыграли многочисленные протесты корпоративных организаций. В качестве

доводов они указывали на то обстоятельство, что опеки потеряют «характер семейственных и попечительных учреждений и приобретут административно-распорядительный характер», а авторитет уездного предводителя дворянства, который превратится в простого члена коллегии, будет подорван [1, с. 62–63].

Необходимость адаптации помещичьего хозяйства к рыночным условиям, интенсификация сельскохозяйственного производства требовали больших капиталовложений, которыми дворянство в подавляющей своей массе не располагало. Начиная с 1870-х гг. помещики ходатайствовали об открытии краткосрочного кредита в Государственном банке на особых условиях. В 1884 г. Министерство финансов ввело для них особые правила соло-вексельного кредита под залог имений. Тем не менее дворянские собрания неоднократно ходатайствовали о пересмотре правил кредита и его удешевлении, что шло вразрез с экономической политикой правительства.

Практика оказания помощи дворянам-землевладельцам, попавшим в затруднительное положение, чаще всего в связи с невозможностью расплатиться с банковским кредитом, варьировалась в разных губерниях. На дворянских собраниях обсуждались проекты создания специальных фондов, вспомогательных касс и других подобных мероприятий. По мнению помещиков, они должны были не только выдавать пособия нуждающимся, но и вносить в Дворянский земельный банк проценты неисправных плательщиков. В Курской губернии еще в 1892 г. дворянское собрание обсуждало вопрос об организации вспомогательной дворянской кассы для спасения имений от продажи с торгов. Для этого предполагалось создать фонд (до 30 000 руб.) из капитала выморочного имущества и отчислять из него до 25 % поступающих недоимок. Деятельность кассы должен был контролировать совет, состоящий из губернского предводителя дворянства и двух гласных от дворянского собрания. Ссуды планировалось выдавать в двух случаях: если дворянин находился в затруднительном положении вследствие случайных обстоятельств и для спасения имения для детей владельца после его смерти [1, с. 107]. Касса взаимопомощи была открыта в губернии в 1898 г. В 1899 г. была учреждена касса взаимопомощи в Московской губернии. Государственный совет 3 июня 1902 г. узаконил положение о губернских дворянских кассах и их устав. Для имперской власти кассы взаимопомощи были еще одним способом оказания помощи дворянству: более половины их капитала составляли казенные ассигнования.

Отметим, что отношение самого дворянства к учреждению касс взаимопомощи было неоднозначным. Часть дворянских собраний высказывалась за создание кассы. Другие, сетуя на сложность и дороговизну, признавали нежелательным ее учреждение, высказывали мнение о бесполезности сохранения экономически слабого дворянства. Дворяне, исповедующие либеральные взгляды, полагали, что подобные меры неэтичны и беспринципны. Они считали, что поддерживать отдельных бедствующих дворян следует лишь на средства дворянской корпорации.

В 1899–1905 гг. дворянские кассы взаимопомощи были учреждены в большинстве губерний, где были выборные дворянские органы. Однако в ряде губерний они были открыты лишь в 1913–1914 гг. Основным их назначением стало оказание помощи в платежах по долгам, обеспеченным залогом имений. Это предупреждало продажу дворянских имений с публичных торгов. По ходатайству местной дворянской губернской кассы взаимопомощи Совет Дворянского банка мог передать ей имение неисправного плательщика на срок до шести лет. Процесс учреждения касс шел крайне медленно. Дворянские собрания, имеющие опыт деятельности сословных касс, как, например, Курское, так отзывались на проект Министерства финансов: «...все подобные установления бессильны в борьбе с губительными последствиями чрезмерной задолженности дворянских имений из-за недостаточности средств и невозможности сделать имения доходными» [1, с. 109]. Выдача сумм помощи строго контролировалась дворянскими собраниями. Но выплата заемщиками долгов и процентов часто откладывалась на неопределенный срок из-за несостоятельности должников.

Массовая распродажа дворянских имений в годы первой российской революции, ухудшение экономического положения заемщиков Дворянского банка вновь поставили на повестку дня вопрос об эффективности деятельности дворянских касс взаимопомощи. На дворянских собраниях регулярно рассматривалось состояние долгов заемщиков дворянской вспомогательной кассы и возможность сложения их со счетов. В частности, дебатировался вопрос о том, предъявлять ли судебные иски к должникам-заемщикам или отложить взыскание долгов на неопределенное время [1, с. 139–141].

В годы Первой мировой войны при поддержке дворянских касс взаимопомощи поместное дворянство стремилось предотвратить рост ипотечных долгов. Однако ни помощь правительства, ни меры, предпринимаемые помещиками по сословной взаимопомощи, не могли замедлить убыль помещичьего землевладения.

Заключение. Социальные практики дворянских корпоративных организаций, несмотря на их региональное разнообразие, сводились к оказанию экономической помощи обедневшим представителям сословия. В расходах дворянской корпорации она становилась наиболее крупной статьей. В этой связи корпоративные организации все чаще обращались за правительственной помощью, предлагая конкретные меры для упрочения экономического положения дворянства. Они полагали, что социальная политика, проводимая государственными структурами, должна иметь сословную направленность, приводя в качестве доводов рассуждения об особом значении «первенствующего сословия» как опоры власти.

Однако властные структуры не могли полностью удовлетворить чаяния дворянства, а лишь предлагали паллиативные меры, ярким примером которых

является деятельность Особого совещания о нуждах дворянского сословия. У самих же корпоративных организаций средств для оказания полноценной социальной помощи было недостаточно. В этой связи приоритетным направлением расходов корпорации было оказание помощи в воспитании и образовании детям обедневшего дворянства. Идея развития военного и сельскохозяйственного образования неоднократно лоббировалась на заседаниях съездов объединенного дворянства как первоочередная задача реформирования образования.

Внутрисословная деятельность дворянских обществ было подчинена генеральной задаче — любой ценой удержать экономические позиции поместного дворянства. С этой целью дворянские капиталы расходовались на материальную поддержку заемщиков Дворянского и частных банков, оказание социальной помощи несовершеннолетним детям, находившимся под опекой, учреждение и содержание приютов, богаделен, различного рода пенсии и пособия. Дворянские собрания неоднократно дебатировали вопросы реформирования сословных опекунских учреждений, их централизации, однако правительственные проекты реорганизации опеки на всесословных началах были подвергнуты резкой критике. Попытка формирования экономической и социальной программы, предпринятая на съездах уполномоченных губернских дворянских обществ, не увенчалась успехом. Постепенное ухудшение экономического положения дворянства способствовало снижению потока благотворительных средств со стороны этого сословия. Помощь продолжала оставаться разноплановой, но приобретала преимущественно адресный характер. В годы неурожаев, военных кампаний или эпидемий, активную роль в помощи пострадавшим играли общественные организации и частные лица, хотя координировало благотворительную деятельность государство.

Список источников

1. Барина Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
2. Вьюнник Е. П. Процедура и практика установления и снятия опеки в пореформенный период для несовершеннолетних дворян, оставшихся без попечения родителей (на материалах Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 119–125.
3. Городнова Л. Е. Яркая страница музыкальной истории России // Московский журнал. История государства Российского. 2018. № 8 (332). С. 84–99.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 1595.
5. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1425.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14367.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 23.
8. ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2253.
9. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 7911.
10. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7993.

11. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7290.
12. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7291.
13. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8412.
14. Корчмина Е. С. Институт дворянской опеки в Рязанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Т. 9: Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков: материалы I Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 25–26 мая 2011 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 7–13.
15. Леднева Н. К. Дворянская опека в России во второй половине XIX – начала XX в. // Путь в науку / под ред. В. М. Марасановой. Вып. 13. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 43–45.
16. Литвинова Т. Н. Дворянская опека Воронежской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Воронежского края: сб. статей. Вып. 13. Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 2005. С. 69–81.
17. Лобач-Граубергер В. А. Дворянская опека: история возникновения и практика существования во второй половине XIX в. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций: сб. научных статей. Брянск: Курсив, 2016. С. 56–62.
18. Маркова М. Т. Дворянские кассы взаимопомощи // Псков. 2011. № 35. С. 117–122.
19. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. Т. 2: 1909–1912 гг. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2001. 677 с.
20. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2002. 606 с.
21. Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневожских губерний). Саранск: ИЦ ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2010. 306 с.
22. Першин С. В., Першина Т. А., Мкоян С. А. Опека над дворянскими поместьями в Пензенской губернии в первой половине XIX века // Экономическая история. 2016. № 3 (34). С. 53–62.
23. Пономарева М. А. Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского поместного дворянства в конце XIX – начале XX веков (на примере воспоминаний С. Е. Трубецкого, А. А. Корнилова, В. В. Розанова) // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 316–323. DOI: 10/13187/bq.2021.1.316/
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1283. Оп. 1. Д. 233.
25. Румянцева Н. М., Трубицын И. О. Социально-экономический портрет депутата Дворянского собрания во второй половине XIX – начале XX века // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 367–377. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-367-377
26. Свод законов Российской империи: в 5 кн. Кн. 1. Т. I–III. СПб.: Деятель, 1912. 440 с.
27. Соловьева Е. А. Система призрения дворянских детей-сирот во второй половине XIX в. (на материалах Симбирской губернии) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Вып. 8 (50). С. 158–160. DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.222
28. Федосеев Р. В. Деятельность дворянских опеков в губерниях Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 122–125.
29. Цветков В. С. Организация деятельности дворянской опеки во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Московской губернии) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С. 91–96.

References

1. Barinova E. P. Rossiiskoe dvorianstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik. [Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and sociocultural appearance]. Moscow.: ROSSPEN, 2008. 351 s. (In Russ.).
2. V'iunnik E. P. Protsedura i praktika ustanovleniia i sniatia opeki v poreformennyi period dlia nesovershennoletnikh dvorian, ostavshikhsia bez popecheniia roditelei (na materialakh Kurskoi gubernii) [Procedure and practice of establishing and removing guardianship during the reform period for minor nobles left without parental care (on the materials of the Kursk province)] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2011. № 13 (108). S. 119–125. (In Russ.).
3. Gorodnova L. E. Iarkaia stranitsa muzykal'noi istorii Rossii [Bright page of the musical history of Russia] // Moskovskii zhurnal. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo. 2018. № 8 (332). S. 84–99. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO). F. 29. Op. 1. D. 1595. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti (GAKO). F. 33. Op. 2. D. 1425. (In Russ.).
6. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 14367. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO). F. 19. Op. 3. D. 23. (In Russ.).
8. GASO. F. 19. Op. 1. D. 2253. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO). F. 161. Op. 1. D. 7911. (In Russ.).
10. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7993. (In Russ.).
11. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7290. (In Russ.).
12. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7291. (In Russ.).
13. GATO. F. 161. Op. 1. D. 8412. (In Russ.).
14. Korchmina E. S. Institut dvorianskoi opeki v Riazanskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Institute of Noble Guardianship in the Ryazan Province at the end of the 18th – first half of the 19th century] // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta T. 9: Sotsial'no-kul'turnye aspekty istorii ekonomiki Rossii XIX–XX vekov: materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 25–26 maia 2011 g.). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012. S. 7–13. (In Russ.).
15. Ledneva N. K. Dvoriaskaia opeka v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. [Noble guardianship in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.] // Put' v nauku / pod red. V. M. Marasanovoi. Vyp. 13. Iaroslavl': IarGU, 2009. S. 43–45. (In Russ.).
16. Litvinova T. N. Dvoriaskaia opeka Voronezhskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Noble guardianship of the Voronezh province in the first half of the XIX century] // Iz istorii Voronezhskogo kraia: sb. statei. Vyp. 13. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. knizh. izd-vo, 2005. S. 69–81. (In Russ.).
17. Lobach-Grauberger V. A. Dvoriaskaia opeka: istoriia vzniknoveniia i praktika sushchestvovaniia vo vtoroi polovine XIX v. [Noble guardianship: the history of emergence and the practice of existence in the second half of the XIX century]. // Rossiia v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsii: sb. nauchnykh statei. Briansk: Kursiv, 2016. S. 56–62. (In Russ.).

18. Markova M. T. Dvorianskii kassy vzaimopomoshchi [Noble mutual assistance cash desks] // Pskov. 2011. № 35. S. 117–122. (In Russ.).
19. Ob"edinennoe dvorianstvo. S"ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg.: v 3 t. T. 2: 1909–1912 gg. Kn. 1. Moscow: ROSSPEN, 2001. 677 s. (In Russ.).
20. Ob"edinennoe dvorianstvo. S"ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg.: v 3 t. T. 2. Kn. 2. Moscow: ROSSPEN, 2002. 606 s. (In Russ.).
21. Pershin S. V. Soslovnye uchrezhdeniia v Rossii v pervoi polovine XIX veka (po materialam dvorianskikh i gorodskikh obshchestv srednevolzhskikh gubernii) [Class institutions in Russia in the first half of the XIX century (based on materials from noble and urban societies of Middle Volga provinces)]. Saransk: ITs ISI MGU im. N. P. Ogareva, 2010. 306 s.
22. Pershin S. V., Pershina T. A., Mkoian S. A. Opeka nad dvorianskimi pomest'iami v Penzenskoi gubernii v pervoi polovine XIX veka [Opeka over noble estates in the Penza province in the first half of the 19th century] // Ekonomicheskaiia istoriia. 2016. № 3 (34). S. 53–62. (In Russ.).
23. Ponomareva M. A. Semeinyi ukhad i ego rol' v stanovlenii mirovozzreniia rossiiskogo pomestnogo dvorianstva v kontse XIX – nachale XX vekov (na primere vospominanii S. E. Trubetskogo, A. A. Kornilova, V. V. Rozanova) [Family way and his role in the formation of the worldview of the Russian local nobility in the late XIX – early XX centuries (on the example of the memoirs of S. E. Trubetsky, A. A. Kornilov, V. V. Rozanova)] // Bylye gody. 2021. № 16 (1). S. 316–323. DOI: 10/13187/bq.2021.1.316/ (In Russ.).
24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 1283. Op. 1. D. 233. (In Russ.).
25. Rumiantseva N. M., Trubitsyn I. O. Sotsial'no-ekonomicheskii portret deputata Dvorianskogo sobraniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Socio-economic portrait of a deputy of the Noble Assembly in the second half of the XIX – early XX centuries.] // Vestnik arkhivista. 2021. № 2. S. 367–377. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-367-377. (In Russ.).
26. Svod zakonov Rossiiskoi imperii: v 5 kn. Kn.1. T. I–III. St. Petersburg: Deiatel', 1912. 440 s. (In Russ.).
27. Solov'eva E. A. Sistema prizreniia dvorianskikh detei-sirot vo vtoroi polovine XIX v. (na materialakh Simbirskoi gubernii) [Charity system for noble orphans in the second half of the XIX century. (Based on materials from the Simbirsk province)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2016. Vyp. 8 (50). S. 158–160. DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.222. (In Russ.).
28. Fedoseev R. V. Deiatel'nost' dvorianskikh opek v guberniiakh Srednego Povolzh'ia vo vtoroi polovine XIX v. [The activities of noble guardians in the provinces of the Middle Volga region in the second half of the XIX century] // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia. 2014. № 1. S. 122–125. (In Russ.).
29. Tsvetkov V. S. Organizatsiia deiatel'nosti dvorianskoi opeki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Moskovskoi gubernii) [Organization of the activities of noble guardianship in the second half of the XIX – early XX centuries (using the example of the Moscow province)] // Vestnik MGOU. Seriia: Istoriia i politicheskie nauki. 2012. № 2. S. 91–96. (In Russ.).